

Русская лирика. - Тоскана. - 1995. - 21-27 сент. - с. 13.

Письма, которые уцелели чудом

Эта тоненькая книжечка, напечатанная тиражом всего в три тысячи экземпляров, — событие столь же важное, сколь и волнующее. Издавшая к двадцатилетней годовщине со дня кончины Ариадны Сергеевны Эфрон, она как бы очерчивает некий круг: от первых цветаевских записей о маленькой Але до последних писем к ней в лагерь. «Мама победила меня дважды в жизни: в раннем детстве и когда я была в тюрьме», — приводит составитель слова Ариадны Эфрон. Это, конечно, свойственное Ариадне Сергеевне преувеличение, однако не о том сейчас речь.

Две разных жизни, два разных человека. Юная и счастливая (насколько была способна) Марина Цветаева, записывающая каждое слово за своей удивительной Алей, — и несчастная, беспомощная, почти уже загнанная в угол женщина, потерявшая мужа и дочь. Они действительно потерялись, были у нее отняты, похищены чудовищным режимом, — хотя пока еще она знал, что они живы.

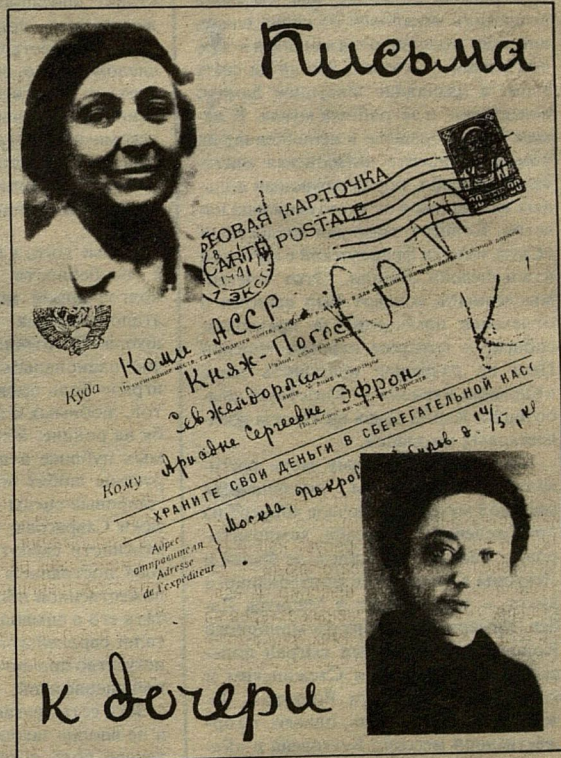
Всю жизнь ненавидевшая быт, Цветаева теперь не просто занималась им, но и цеплялась за него: в быту, в заботах и хлопотах о близких был тогда смысл ее существования. Возникшая возможность переписки с Алей, после того как узнала ее лагерный адрес, — вливалась в нее силы. Она писала дочери часто, повторяя одно и то же, в надежде, что хоть какая-нибудь открытка (или письмо) дойдет. Вести приходили в Князь-Погост с опозданием, и Марины Ивановны уже не было на свете, а дочь все получала их, ни о чем поначалу не подозревая, а узнав страшное известие, писала родным, что не может воспринять, осмыслить смерть матери...

Марина Цветаева. Письма к дочери. Дневниковые записи. Сост., прим. и послесл. Е.Б.Коркиной. Предисл. С.Н.Клепининой. Музей М.И.Цветаевой в Болшеве, Калининград М.о., «Луч-1», 1995.

Эти письма Марины Цветаевой дочери (февраль — май 1941 г.) — совершенно особая страница в ее жизни. Пожалуй, нигде больше Марина Цветаева не проявляла себя такою самоотверженной, полностью от себя отрешенной, сосредоточенной на утешении, успокоении чужой боли. Марина Ивановна постоянно находилась в действии. Она писала дочери: «Я действительно занимаюсь твоим про тово...» (т.е. про твою судьбу); запасла ей чеснока, засушила «по всем радиаторам» «моркови» и т.п. Собирала и отсылала посылки, отбирала одежду: спрашивала, что послать в первую очередь.

Она стремилась все время поддерживать в дочери оптимизм и надежду, повторяла, что к ней собирается С.Гуревич, что скоро он должен приехать. (Его оформление длилось очень долго, наконец как будто бы «выгорела» поездка в июле, но все было конечно из-за войны.)

Писала Марина Ивановна и о себе, о своей переводческой работе. Вот что она пишет после того, как отказалась переводить Гете на музыку Шуберта: «С такими гребованиями к себе — ты сама понимаешь, что мне работать труднее, чем кому бы то ни было. Я сама себе препятствие. Моя беда, что я, переводя любое, хочу дать художественное произведение, которым, часто, не являюсь подлинник, что я не могу повторять авторских ошибок и случайностей, что я, прежде всего, выправляю смысл, т.е. довожу вещь до поэзии, перевожу ее — из

Коллаж из книги «Письма к дочери».

царства случайности в царство необходимости...» (письмо от 23 мая 1941 г.).

Письма (к сожалению, не все дошли до А.Эфрон) уцелели чудом.

«Полученные А.С.Эфрон в первом лагере, они были переданы ею в лагерь особого режима, куда она была переведена и откуда не чаяла вернуться, своей спутнице по первому этапу Тамаре Владимировне Сланской (1906—1994). Последняя пронесла эту пачку листочков через собственные испытания и вынужденные перемещения и после освобождения вернула их А.С.Эфрон», — читаем в примечаниях, лаконичных и драматических...

Кстати, непременно ли следовало снабжать такую книгу предисловием?..

АННА СААКЯНЦ

Москва